

Сергей Федоров

Обращение к памяти

Сергей Федоров

Обращение к памяти

«Автор»

2026

Федоров С.

Обращение к памяти / С. Федоров — «Автор», 2026

Погружение в прошлое, в ароматное марево деревенского детства. Цикл рассказов, где простая, на первый взгляд, жизнь раскрывается всей своей глубиной: трудной, но одаривающей счастьем, порой суровой, но неизменно наполненной. Взгляд на себя сквозь призму утекающих лет, трогательное возвращение туда, где всё начиналось...

© Федоров С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Председатель.	5
Сенокос.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Федоров

Обращение к памяти

Председатель.

Июль для Степана Звонарёва, председателя колхоза «За мир», выдался знойно-тревожным, хотя зной и не собирался наступать. По календарю, в самом разгаре вторая декада месяца, но погода словно позабыв о лете, не думала налаживаться и упорно омрачалась холодом. Уже как с неделю, ежедневно, шли затяжные дожди, продолжая орошать излишне увлажнённую землю. В то время, как соседние районы стряхнувшие пелену ненастья, приступили к уборке зерновых, его комбайнёры бесполезно простаивали и изнывали от безделья, с надеждой поглядывая на хмурое дождевое небо. Степану, собственно, не в чем было упрекнуть своих механизаторов: вся техника в полном порядке, люди – готовы, да и сам Степан всё прекрасно понимал, чего не мог сказать о вышестоящих райкомовских начальниках, чьи частые, досаждающие звонки безмерно испытывали его терпение. Как только затрещал телефон, Нюра, жена Степана, с тревогой прижала трубку к уху, а через секунду протянула её мужу, едва слышно прошептав: «Тебя...». Сквозь шипение и треск, суховатый голос хрипя проговорил из трубки: «Здравствуйте, Степан Демидович...».

Разговор затянулся на долго. Нюра – закалённая годами председательствования Степана, давно разучилась чему-либо удивляться, но волнения и заботы мужа – разделяла и понимала. Как и прежде, улавливая невидимым женским чутьём всю серьёзность и глубину положения, она, как обычно, невозмутимо накрыла стол к обеду, одним движением взгляда уgomонила разбушевавшегося в компании домашних котов Вальку и, поглядывая на настенные часы, в ожидании присела. Прошёл час, а может, и больше... Наконец, с шумным выдохом Степан положил телефонную трубку и взглянул на жену.

– Ну, что у нас сегодня на обед, а, жена? Давай-ка накладывай, да в пору мне ехать надобно.

Нюра встрепенулась и казалось, ожила от своего внутреннего оцепенения, затем ловко, с привычной для хозяйки сноровкой подцепила ухватом из печи дымящийся чугунок, и наполнила мужнину тарелку горячим, душистым супом.

– Валька! – Степан окликнул сына. – Давай-ка, брат, сбегай до механических мастерских, найди Николая, да передай ему, чтобы через полчаса с машиной у дома был. Понял?

– Понял я, понял! – радостно вскрикнул Валька натягивая на босые ноги сапожки. Не успела Нюра опомниться, как мальчонка вылетел за дверь, захлопнув её с таким оглушительным треском, что казалось, разом зазвенели все стёкла в оконных рамах.

– Ма, а, ма – в окне неожиданно появилась белобрысая голова Вальки. – Можно, я после, в мастерских побуду? Там дядя Паша трактора заводить будет. Посмотреть хочется.

– Гуляй, но не долго и не изгваздайся как в прошлый раз! – строго ответила Нюра.

...Колька Лебедев, – после службы в армии, заочно учился по направлению от колхоза в Селижаровском районе на механизатора, и сейчас, временно управлял единственной легковой автомашиной – «УАЗ-450», получившей в народе ласковое прозвище: «буханка». Валька своевременно донёс до него распоряжение отца; не прошло и пятнадцати минут, как узик мерно рокотал у ворот председательского дома. Звонарёв приобнял провожавшую его жену, затем, усаживаясь на переднее сиденье машины, лихо поправил накиннутый наспех дождевик и, захлопнув дверь, распорядился: «К григоровским, в поля...». Путь из Березниц в Григорово вёл преимущественно по расчищенной от мелколесья и кустарника полевой дороге. Раскисшая от дождей, изъеденная колеями от тракторов, комбайнов и деревенских повозок, она больше

напоминала не дорогу, а лишь направление. Машина с рёвом вползала на скользкий суглинистый пригорок, с вершины которого уже открывался вид на приземистые, словно вросшие в землю, крыши григоровских изб, ферму и пшеничное поле раскинувшееся бескрайним золотистым полотном в низине.

– Коля, давай сразу к клубу подъезжай – распорядился председатель.

– В поле не едем, Степан Демидович?

– После, – задумчиво протянул Степан. – Для начала с механизаторами встретимся, поговорим... Сообща подумаем, как быть, как поступить.

Николай одобряюще кивнул головой, ловко переключил рычаг коробки передач и вжал педаль газа в пол. Уазик в ответ чихнул синеватым дымком и не сбавляя хода ворвался в деревню, оставив позади ошалевших от такой невиданной наглости собак...

– Ой, ли! Да не уж-то сам Николаша к нам в гости пожаловал! – воскликнула молоденькая девушка, первой приметившая подъехавшую к клубу машину.

– Ты, Тая, чего такая весёлая и красивая сегодня? Аль, радость какая тебе случилась? – приоткрыв дверь кабины, спросил Николай.

– А у меня к тебе завсегда радость Коленька, – звонко отозвалась Тая, и тут же смутилась заметив председателя, ставшего невольным свидетелем их беседы.

– Вы... Уж простите, Степан Демидович, не признала вас! – пробормотала краснея девушка.

– Да что там, Таечка, неужто так изменился? Или, может, так редко на ферму заезжаю, что доярки позабыли как начальство выглядит? – тут Степан неожиданно для самого себя рассмеялся, и его смех, добрый и заразительный, раскатился по всему клубному двору. Тая от такого смеха смутилась ещё больше, и всё чаще, украдкой, поглядывала на Колю.

Жизнь в деревне сильно отличалась от городской жизни. Хотя бы тем, что жизнь каждого колхозника, проходила в большей мере у всех на виду, пусть и не всецело. Звонарёв не только был наслышан, но и сам прекрасно знал об искренних отношениях Таи и Николая. Бывало, Коля, в силу своих молодых лет, нет-нет, да и заведёт доверительный разговор об этой милой, к тому же, очень трудолюбивой красавице. Степан не осуждал, напротив, с уважением и пониманием проникся к робкому, порой, нерешительному влюблённому, и даже, всячески его поддерживал.

– А знаешь, Таечка, – обратился председатель к девушке, – хватит тебе стрекозой порхать, пора и честь знать. Вот жатву закончим, жди-ка, милая, гостей. Лично приеду, за Николая сватать... И, будто не замечая застывшего на лицах ребят изумления, председатель резко развернулся и быстро вошёл в клуб.

Труженики деревень крепко уважали своего председателя. Люди знали: на общем колхозном собрании виновных искать не станут, а вот решения принятые сообща – исполнять будут все. Однако, рабочие руки от дела не отвлекали: участвовали только бригадиры, старшие участков и инженер-механик – все остальные оставались на своих рабочих местах. Войдя в деревенский клуб, где к назначенному времени уже должны были собраться вызванные колхозники, Степан привычно окинул взглядом и поприветствовал собравшихся.

– Все в сборе? Так, отлично. А где наш механик? Где Суханов? – пронзающий зависшую в зале тишину голос Звонарёва неожиданно стал суровым.

– Ах, Степан Демидович, видать, снова наш Андрюша занемог, – прервав неловкое молчание весело вскрикнула Нинка Винокуриха, – деревенская староста и главная телятница колхозной фермы.

– Давно? – председатель устремил взгляд на Винокуриху/

– Что давно?

– Я спрашиваю, давно занемог?

– А-аааа, – улыбаясь, многозначительно затянула Нинка, – так, почитай, как женился, так сразу и занемог...

Собрание разразилось залиvistым смехом, волной прокатывающимся по рядам. Звонарёв кивнул головой Кольке, стоящему неподалёку с Таей и тот, словно прочитав мысли председателя, всё понял: «Один момент Степан Демидович, один момент. Мигом доставлю!»

...Долго и бурно проходило собрание, под завязку набитое множеством насущных вопросов требующих неотложного вмешательства и решения. Немало дел завершили. Но главная битва – битва за урожай под натиском ветреной и дождливой погоды – всё ещё оставалась не выигранной. Все понимали: затяжные дожди затрудняют обмолот, сепарацию и очистку зерносоломистой массы. Но куда страшнее оказалось состояние почвы – после обильных осадков уборочные комбайны могли остановиться и увязнуть в раскисшей земле. Наконец, Колька привёз инженера, а вместе с ним старого, но опытного агронома Тимонина. По пути Николай кратко обрисовал им ситуацию, вводя в курс дела. Андрей Суханов незамедлительно обозначил председателю, что ему необходимо выполнить безотлагательно, и срок был установлен чёткий и предельный – одни сутки, учитывая положительный прогноз погоды в районе.

– Только вот, – инженер с надеждой взглянул на председателя, – выдержат ли люди? Расстояние большое, времени на проход много потребуется. И потом, с малой скоростью... На проходе комбайн не остановишь, тем более жатка под самый корень стебля встанет... Не «положим» ли, пшеницу, председатель? Андрей замолчал растерянно пожимая плечами.

Тут не выдержал старик Тимонин: – Да как так, не сдюжат? Сдюжат! Он, у нас в сорок втором как было: тех, которые не сдюжили, так под самый зад как шмальнули из пулемёту, так сразу все сдюжили. А нынче на дворах и год-то не сорок второй...

– И пулемёту нету! – прервал старика чей-то язвительный возглас из зала.

– И то правда, нету! Дак, только тады, скажи-ка мне, мил человек, где ж вы такое видавали, чтобы крестьянин труд свой, хлеб свой в землю втапывал и гноил?! – старик почти перешёл на крик: – Не бывать тому! Не было и не будет такого! Молодых на комбайн в подмен сажай! Вот тады и поглядим, не мелковат ли нынче крестьянин, да чего он стоит?! Урожай-то, не только, поди, от божией милости даётся...

Звонарёв молчал, слушая внимательно и напряжённо. Затем, вскинув голову, оглядел притихших земляков и хлётко, решительно произнёс: «Срок – сутки. Молодёжь на комбайн – под мою личную ответственность».

Собрание завершилось ближе к полуночи. Колхозники, словно тени, неспешно расходились по домам. Степан, насколько это было возможно в машине, устроился поудобнее, прислонился плечом к боковой двери и не отрываясь смотрел, как на крыльце под навесом Колька прощался с Таей. В этот миг и ему, внезапно припомнилось очень давнее, знакомое сердцу воспоминание...

– Всё, Степан Демидович, приехали. И супруга ваша, видать не спит, ждёт. – Николай аккуратно потряс за плечи дремлющего председателя.

– Крепко заснул я, да, Коля? – вытягиваясь и пытаясь прийти в себя задал вопрос Звонарёв.

– Да не то, что бы крепко, так, лёгонько. – Улыбался в ответ Николай.

– Значит так, Коля, слушай приказ: «Утром подойдёшь в правление, передашь секретарю, чтобы по месту твоей учёбы открепление временное подготовила и выслала. Затем убываешь в Григорово. Прикрепляешься к Паше Сироткину, его сменным напарником на «Колос» сядешь. Практику прямо во время жатвы пройдёшь, за удостоверением позже в Селижарово съездишь, рекомендации я тебе дам. Остальное – уже на месте, в поле разберёшься». Председатель глубоко вдохнул и, выходя из машины, продолжил, заговорщицки улыбаясь: – Смотри мне, не подведи! Иначе тебе одному перед родителями Таи кланяясь лбом об полы стучать!

– Степан Демидович, а как же вы без машины то?

– Да коня себе у Нюрки выпишу. Временно! Чай, жена не забыла ещё, как лошадь запрягать, да вожжами управляться...

Степан входил, стараясь не шуметь. Время перевалило глубоко за полночь, но ещё в сениях он приметил узкую полоску света, пробивающуюся в приоткрытую дверь. Нюра не спала. Она сидела на полатах, возле прикрытого занавесью окна, и вязала, ожидая мужа. Валька мирно посапывал на своей лежанке, укрытый лёгким одеяльцем; коты, лениво зевая, бросали снисходительные взгляды на вернувшегося в столь поздний час хозяина. У двери Степан скинул промокшие за день кирзовые сапоги, а после, устало сел, вытянув к печи ноги. Отложив вязание, Нюра поднялась и, накинув на плечи лёгкую шаль, подошла к мужу. Молча, лишь кротко взглянув на него, присела рядом. Затем, склонив голову, заботливо обняла его. Сон окутывал Степана, но в объятиях любимой женщины он ощущал, как нежность и тепло её прикосновений стирают следы накопившейся дневной усталости, а внутри, бурлящими потоками разливается простое человеческое счастье...

У председателя полноценный выходной день – единичный за год случай. Едва проснувшись на рассвете, Степан решил первую половину дня посвятить домашним заботам. Валька, непоседливый и суетливый, уже был в своей стихии – резвясь с мальчишками на сырых деревенских дорогах. Нюра, по обыкновению, хозяйничала на кухне и прибиралась, оберегая домашний уют. На столе, заботливо укрытом цветастой скатертью, в молчаливом ожидании стоял завтрак: ломоть румяного ржаного хлеба, полный стакан свежего парного молока, два яйца, сваренных «вкрутую», и пучок зелени со свежими, хрустящими овощами. Степан поднялся, ополоснул лицо холодной водой, заранее подготовленной женой, и присел к столу. Через некоторое время к нему присоединилась Нюра. Её присутствие рядом вносило в утреннюю тишину совершенно новые, живые ноты. Каждый жест был исполнен заботы и внимания, каждый взгляд – безграничной сердечности. Когда Нюра говорила, её голос, мягкий и мелодичный, заполнял все уголки родного деревенского дома. После завтрака, выйдя во двор, Степан услышал нарастающий гул моторов. Из-за поворота, со стороны базы ремонтно-технического обеспечения, медленно, друг за другом, неуклюже выворачивали в направлении Григорово комбайны. А следом за ними, раскачиваясь на ухабах и колеях, потянулась вереница грузовиков. Председатель вскинул голову к небу: сквозь редеющие дождевые облака, разносимые порывистым ветром, пробивалось долгожданное солнце.

– Да слава Богу! – выдохнула Нюра стоя за спиной мужа и так же устремив взгляд вверх. – Теперь полегче мужикам будет, полегче...

Степан, не оборачиваясь, тихо ответил: – Доживём – увидим. Я сейчас дров наколю, Валька как заявится, пускай в поленницу у бани сложит. А пока коня запрягай, после, как справлюсь, на ферму съездить надо. Со мной поедешь?

– Дома буду. Да и тряско мне с недавних пор на телеге по ухабам разезжать – широко и загадочно улыбаясь, проговорила Нюра.

– Давно ли? – Степан, не унимаясь, подзадоривал жену.

– Ох, ну что за мужики нынче? Вроде не глупые, а всё одно – непонятливые! – весело хихикнула Нюра. – Месяца два, а то и поболее, как не могу!

Последние произнесённые слова Степан едва расслышал, но большого значения им не придал. Раскалывая берёзовые чушки увесистым колуном и откидывая в сторону готовые дрова, председатель мысленно погружался в колхозные вопросы. Нюра тем временем вывела и ловко запрягла в телегу «Мальчика» – норовистого молодого коня донской породы. Несмотря на своеобразный гонор, дончак всё же признавал авторитет своей хозяйки, при случае щедро одаривающей его сахарком.

– А ну, девоньки, веселей, веселей давай! – пронёсся по ферме громогласный окрик Винокурихи. – Председатель подъезжает уже, а вы? Ну-ка, Тайка, космы подвяжи свои, о-на,

распустила, как перед брачной ночью! Рано ещё тебе! Зинка, давай сюды. Вёдра убрать! Лопаты где должны быть? Ай, бабы, подраслабились вы... Аппараты доильные проверили, прибрали?

– Да всё в порядке, тёть Нин, – подвязывая густые, выющиеся волосы, успокаивала телятницу Тая.

– Ну, глядите мне, бабы, ой, глядите! – грозно продолжала Винокуриха, неоднозначно помахивая дояркам сухоньким кулачком.

Председатель входил на ферму в сопровождении Тимофеича. Тракторист-пенсионер, единственный, кто мог мало-мальски оказывать помощь дояркам, поскольку остальные мужики были задействованы в поле. Своим Звонарёв доверял, но установленный порядок, как говорится, есть порядок, и он требовал соблюдения.

– Доброго вам здоровьица, Степан Демидович! Долго же мы вас ожидали, долго! Молочка парного не желаете? – Нинка не дожидаясь ответа протянула председателю добротную кружку, до краёв наполненную душистым молоком.

– Как дела, бабоньки? Справляетесь? – Степан отхлебнул тягучего молока и передал кружку Тимофеичу. – Добротное молоко, жирное. На молзавод вовремя отправляете?

– Вовремя всё тут, – отчитался Тимофеич. – Правда, Васька, стервец... водитель молочки... всё торопыжит, неполно цистерну заливает с вечерней дойки. Ну, с этим, я и сам разберусь!

– Что же это вы, Степан Демидович, в этот раз Нюрочку, красавицу свою, с собой не взяли и до нас не привезли? – ворчливо вопрошала ветврач Зинаида, сложив руки на крутых бёдрах.

– Да ты что, Зинка! Не знаешь чтоль? Председатель-то наш, мужиииик! – тут Нинка сложила ладони в кулаки, и согнув в локтях руки коротко ими тряхнула. Затем, задорно продолжила: – Ладно глаз наш, – бабий, он от природы своей всё видит, а вот куда Степан Демидович глядит, не понимаю... Видать, Нюрочка, душа наша, ещё ему не доложила!

Степан молча улыбнулся, но отвечать на это не стал. Ему вдруг припомнились слова Нюры, произнесённые утром, суть которых стала проявляться всё яснее: «Ох, ну что за мужики нынче? Вроде не глупые, а всё одно – непонятливые... Месяца два, а то и поболее, как не могу...».

Пробыв на ферме ещё около часа в кругу ветеринара и доярок, убедившись, что всё в полном порядке, Звонарёв снаряжился в обратный путь. Опустив поводья, Степан раскинулся в телеге на свежем, высланном Тимофеичем сене. За деревней на взгорке, Степан приструнил коня и на протяжении нескольких часов наблюдал, как медленно, будто улитки, ползут по пшеничному полю комбайны, как к ним, словно пчёлы-труженики, подлетают грохоча нарощенными в мастерских бортами грузовики, и как неумолимо исчезает золотистый простор несжатой пшеницы. «Только бы выдержали мужики. Только бы не подвели, не запили...» – молниеносно пронеслось в голове председателя... В Березницах Степана заждались. Сын загодя распахнул ворота, чтобы отец не задерживался с подводой во дворе, а Нюра, справив ужин и накрыв на стол, ожидала мужа на крыльце: в туфельках молочного оттенка с ремешками, светлом ситцевом платье в ромашках, чуть больше её обычного размера и накинутом на плечи шёлковым платком с рисунком полевых цветов. Даже Валька, привыкший к скромному одеянию матери, подметил, что она – «сегодня вся в цвету, какая-то непривычная и загадочная, сказочная что-ли».

Смеркалось. Председатель, подстёгивая коня, спешно въезжал во двор. Последние лучи заходящего солнца, прощаясь, скользнули по рыжей конской спине и растворились за горизонтом. Валька, заметив отца, тут же выскочил из придворка, подхватил вожжи и накинул их на изгородь.

– Я, Валька, коня распрягу, а ты ему воды дай напиться. Только смотри, остуди сначала, сразу разгорячённого не пои.

– Знаю, батя, не в первой, – задорно отвечал Валька, – ты давай в дом проходи, а то мамка тебя совсем заждалась. У ней, батя, похоже, радость приключилась. Странная с утра ходит. О чём не спрошу, всё невпопад отвечает. Ты бы разузнал у ней, а, батя!

– Давай, брат, вместе спросим, за спрос, поди, нас не накажет! – рассмеялся Степан.

Так они смеясь и подталкивая друг друга поднимались на крыльцо. Нюра ожидала их, её лицо внешне казалось спокойным, но руки предательски дрожали от внезапно нахлынувшего волнения.

– Что ж, мужчины дорогие, прошу всех в дом да к столу – скрывая дрожь проговорила Нюра.

– Ух, какая у нас мамка сегодня красивая! Валька, красивая же? – Степан мягко подтолкнул сынишку в бок. Вместо ответа Валька ловко юркнул между родителями и исчез в сених. Нюра с мужем следом прошли в дом, но что-то удерживало её от начала разговора. Нет, это был не страх; скорее – иное чувство, приятное, волнующее и одновременно сковывающее. Степан очень хорошо знал жену, и, ощущая её трепет, решил заговорить первым, прежде чем она озвучит нечто важное.

– Еду, я значит, на ферму, – Степан бросил взгляд на прожёвывающего кусок рыбного пирога Вальку. – Еду, и вдруг...

– Радость у нас к весне случится! – Нюра, прервав рассказ, от волнения всколыхнулась. – Трое нас в скором времени будет! У тебя, Валечка, сестричка родится!

– А я-то думаю, о чём эта сорока на ферме мне в ухо трещала. – Степан расхохотался так, что Валька невольно и сам разразился залиvistым смехом, ещё не до конца осознавая, что произошло в доме.

– Сороку, случаем, не Винокурихой кличут? – Нюра улыбалась сквозь слёзы.

– Винокурихой, Винокурихой, – еле выговорил Степан не умолкая. – Только, вот незадача, ей откуда известно стало?

– Фельдшерица, вот откуда. Что поделать, бабы деревенские такие: в Березницах чихнёшь – в Григорово здравия желают, а в Соболинах, так только что не схоронят...

Так и просидели они до самой полуночи, предаваясь дружному смеху и разговорам в домашней атмосфере тепла и уюта...

Колхозные будни наполняли дни привычными делами и заботами. Надо отдать должное, мужики не подвели Звонарёва: жатву комбайнёры завершили в срок и с минимальными потерями. Однако, заготовительные и уборочные работы в полях продолжались. Лето клонилось к закату, неумолимо приближая осень. Валька, отдохнувший за каникулы, изрядно дал в рост, что добавило матери хлопот с поиском школьного костюма нужного размера. Нюра же, при округлившись, на удивление многим деревенским женщинам оставалась стройной и румяной. Председатель слово своё сдержал. Как только механизаторы отработали о завершении страды, Звонарёв, не мешкая, вместе с Николаем отправился с поклоном к родителям Таи. Какие уж доводы приводил председатель в отношении Николая, история умалчивает, но спустя три часа, молодые получили заветное родительское благословение. По устоявшейся традиции, завершение сезона праздновали в Григорове. Деревенский клуб гостеприимно распахивал свои двери не только для местных жителей, но и для колхозников из Березниц и Соболин. Столы ломились от угощений, приготовленных сообща: здесь были и румяные пироги, и свежие овощи, и всевозможные разносолы. И, конечно же, ни один праздник не обходился без крепкого самогона и хмельного пива, сваренного по старинным, передаваемым от поколения к поколению рецептам. А разве можно представить деревенский праздник без удалого гармониста? Старик Тимонин, и его верная спутница – гармонь, – неизменно сопровождали гуляния, наполняя их задорными песнями и плясками. Обычно Звонарёв колхозникам праздновать не мешал, но и чрезмерное потребление самогона не поощрял. Сегодня же ситуация была иной: повод для торжества был всеобщим и неоспоримо заслуженным. Степан появился в клубе,

едва завершилось районное совещание. В зале вовсю царило веселье: звучала гармонь, мужики покуривали сигарки, а бабы, то и дело пускались в пляс под тимонинскую гармонь. Уловив недоумевающие взгляды Зинаиды и Нинки, Степан опередил их:

– Дома, душа ваша, Нюрочка, с утра выезжал тяжело ей было, Валька за ней приглядывает. Я только из района, заехать не успел.

Зинаида с грустью вздохнула, глядя на Винокуриху.

– Стало быть, без подруженьки в этот случай будем, а, председатель?

Степан сконфужено махнул рукой. Погружённый в свои мысли он даже не заметил, как Тая, склонилась к Николаю, что-то нашептывая ему, а после, они оба исчезли из зала.

– Эй, гармонист, давай, заводи свою гармонию! Да так играй, чтобы душа наша бабская над всей землёй на радостях пролетела! – зычно прокричала Винокуриха, и едва зазвучала музыка, пустилась в пляс.

Музыка оборвалась так же внезапно, как и началась. Степан обернулся и увидел Нюру, которую заботливо поддерживала под руки Тая. Мужики одобряюще закивали головой, а бабы, тышкали их в бока, заставляя тушить папиросы, чадающие прогорклым и терпким дымом.

– Что же ты не играешь, гармонист? – с улыбкой воскликнула Нюра. – Ну-ка, девоньки, да под нашу!

И тут же застучали каблучки по деревянному полу, отбивая такт. Степану казалось, будто не Нюра это, а лёгкое облако проплывает над цветущими лугами. И радостно было всем. И каждый верил, что впереди их ждёт долгая и счастливая жизнь...

Сенокос.

Природа пробуждалась после ночного забытья: в молодых берёзовых рощицах весело заливались пением соловьи, радостно носились друг за другом в поднебесье юркие жаворонки, в благоухающих медовых коврах сотканных из диких цветов и густых трав, гудели труженики-пчёлы. Над яровыми пшеничными полями неспешно вздымалось июньское солнце, озаряя их нежным, золотистым светом; вдали за перелеском, тихим отголоском деревенской жизни раздавались ритмичные пощёлкивания пастушьего кнута и, отзывалось ему, сонное мычание колхозного стада, выгоняемого с фермы на утреннюю пастьбу. Лето уверенно и широко распахивало двери, вновь впуская в земной, многоцветный мир, своё знойное дыхание...

В дверь постучали. Я, протирая от ранней побудки глаза, недоумевающе взглянул на деда. Дед нехотя поднялся и, ворча, надев на босые ноги сапоги, пошёл открывать нежданному гостю дверь. В избу, словно прячась за широкой спиной хозяина, вошёл Валька Лебедев. Приземистый, коренастый, он, тем не менее, обладал необычайной силой и трудолюбием. Валька слыл чуть ли не первым в колхозе трактористом. Да и как иначе, коль отец его – Николай, пахарь, лет с пяти уже брал Вальку с собой в поля и обучал всем премудростям механизаторского ремесла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.